

DOI 10.35775/PSI.2025.77.12.002

УДК 328:329:81 42

Г.Д. ХУДЯКОВ

Эксперт НИИ «Общественных и политических наук»,

Россия, г. Москва

E-mail: gleb.khudyakov.05@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена изучению особенностей воспроизводства идеологических убеждений представителями различных партий в политическом дискурсе посредством анализа стенограмм заседаний Государственной Думы во время весенней сессии VIII созыва в период с 16 января по 31 июля 2024 года. В качестве теоретической и методологической основы работы был выбран критический дискурс-анализ, в частности, трехмерная модель дискурса Н. Фэрклафа и социо-когнитивный подход Т.А. ван Дейка, с интеграцией категорий и качественных методов других социально-гуманитарных наук. В ходе исследования были установлены особенности «Выступления представителей фракций по актуальным социально-экономическим, политическим и иным вопросам» как коммуникативного события, правила и ограничения которого вырабатываются самими депутатами для контроля над производством политического дискурса. Также были выявлены пять подходов к формированию парламентского дискурса, используемые фракциями, входящими в состав Государственной Думы, с целью получения поддержки граждан с помощью воздействия на их политическое сознание. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения парламентского дискурса, его правил, практик, генезиса, форм контроля со стороны органов власти.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ, политический дискурс, Государственная Дума, парламентский дискурс, политические партии.

Исследования парламентской деятельности позволяют узнать больше об особенностях политической борьбы, поскольку депутаты могут не только участвовать в принятии законопроектов, но и осуществлять с трибуны пропаганду собственных ценностей и убеждений, воздействуя на общественное сознание через формирование политического дискурса [1. С. 182-194; 9. С. 1364-1373; 21. С. 32; 26. С. 36-42; 28. Р. 1113-1115]. Под последним можно понимать сферу использования языка, в которой производится и воспроизводится знание о политике с помощью вербальных и невербальных коммуникаций, регулируемых специальными социальными практиками и правилами [11. С. 21-29; 30. Р. 22-24]. В регламенте Государственной Думы с 2017 года существует формат – «выступление представителей фракций по актуальным социально-экономическим,

политическим и иным вопросам», не связанный ни с обсуждением законопроектов, ни с деятельностью комитетов и не ограниченный выбором тем для обсуждения [22]. На основании этого может быть сформулирована следующая гипотеза: в ходе выступлений по актуальным вопросам представители фракций пользуются доступом к политическому дискурсу с целью пропаганды определенных идеологических убеждений, характерных для своей партии, используя специфические лексические и языковые средства, стратегии и тактики аргументации.

В области изучения политического дискурса, и парламентского дискурса как его составной части, сложилось множество направлений, происходящих от уникального сочетания теорий лингвистики, структурализма и семиотики (М. Бахтин, Дж. Остин, Ф. де Соссюр, Р. Барт, М. Холлидея); неомарксизма (А. Грамши и Л. Альтюссер); постструктурализма (М. Фуко и М. Пешо); а также идей П. Бурдьё, Ю. Хабермаса, Ш. Муфф и многих других [6; 13; 30; 35].

В настоящее время особый интерес у исследователей вызывают стратегии и тактики аргументации, используемые политиками в выступлениях с целью манипулирования общественным мнением. С помощью качественного анализа в научных работах В.В. Корневой, Л.С. Чикилевой, Т.А. Ширяевой рассматриваются стратегии участия парламентариев в конфликтах, средства воздействия на эмоции и чувства для их переубеждения, связь между полем и языковыми особенностями коммуникации [14. С. 104-107; 20. С. 114-120; 27. С. 42-47]. В рамках коммуникативного подхода, применяемого Д.С. Трухановой и А.А. Карамовой, с помощью лингвистических методов изучаются дефиниции отдельных понятий, употребляемые политиками в выступлениях, пространственные и временные характеристики коммуникативных событий [13. С. 74-80; 24. С. 96-101].

Другие исследователи: К. Илай, Н.А. Баранов, заимствуя методы из социологии, стремятся выявить в парламентском дискурсе специфичные социальные практики, способы взаимодействия с аудиторией, конструирования идеологических норм, ценностей и убеждений [6. С. 5-9; 29. Р. 1119-1222]. Относительно недавно популярным стал дискурс-сетевой анализ, разработанный Ф. Лайфельдом, позволяющий определить возможность формирования коалиций среди парламентариев по схожести разделяемых убеждений [21. С. 38-43]. Несмотря на всю его перспективность, описанной в работе И.А. Помигуева, И.В. Фомина и А.М. Мальцева, данный метод не позволяет говорить о природе дискурса, как особой, не сводимой к социальным отношениям, практике использования языка [21]. На этом фоне выделяется публикации, использующие критический дискурс-анализ, позволяющий установить связь между лингвистическими особенностями текста и социально-политическими условиями его появления в дискурсе. Например, в работе А. Беррачече рассматриваются способы формирования негативного отношения граждан к ищущим убежища парламентскими партии в Австрии через использование языковых средств выразительности [28. Р. 322-330].

Именно критический дискурс-анализ, был взят в качестве основы для данного исследования по двум причинам: совпадение предметного поля,

где анализируются вопросы репрезентации идентичности и идеологических убеждений, а также гибкость методологии, позволяющая адаптировать ее под специфику рассматриваемой проблемы [32. Р. 82; 35; 36]. Его теоретическая основа была заложена в работах Н. Фэрклафа, Т.А. ван Дейка, Р. Водак, М. Майер, Г. Кресса, Т. ван Лувена, сформировавших собственные научные направления [11; 30; 31; 33]. В отечественной науке он используется преимущественно для изучения проблем выражения социальной идентичности через речевые структуры, искажения фактов средствами массовой информации, эмоционализации массовой медиа и других [12; 18; 19].

Основная цель критического дискурс-анализа – раскрыть связь между особенностями использования языка, как объектами микроуровня, и реализацией, злоупотреблением власти в социальных отношениях, как характеристик макроуровня в социальных науках [11. С. 19; 30. Р. 1, 12]. По мнению Т.А. ван Дейка познание служит своего рода интерфейсом для восприятия, интерпретации текста и взаимодействий людьми с помощью различных когнитивных моделей, на что влияют исполняемые ими роли, разделяемые идентичности и идеологические убеждения [13. С. 34; 30. Р. 11; 34. Р. 150]. Идеология здесь трактуется как система знания, состоящая из верований, убеждений отдельной социальной группы, формирующая социальные нормы и ценности, правила поведения и мировоззрение человека, воспринимаемая ее членами как истинная, а аут-группами – как одно из множества мнений [30. Р. 34; 34. Р. 152; 36. Р. 729]. Как отмечают Н. Фэрклаф и Т.А. ван Дейк, подобное, идеологически обусловленное знание тесно связано с реализацией власти, стремящейся изменить систему социальных отношений, каналов мобильности и норм, чтобы установить контроль над сознанием и действиями людей для собственной легитимации [11. С. 29, 48-50; 30. Р. 2, 48]. В этой связи осуществление власти тесно связано с использованием языка в ходе социальных взаимодействий, где производится, воспроизводится и интерпретируется разделяемое в обществе знание [11. С. 21-29; 30. Р. 22-24].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 4; 7; 8; 10; 15; 16; 17; 23; 25].

Однако проблему воспроизводства идеологических убеждений представителями различных партий в политическом дискурсе нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Посредством объединения наиболее перспективных способов анализа текста из вышеуказанных подходов была составлена следующая методика исследования. Во-первых, необходимо охарактеризовать «выступление представителей фракций по актуальным социально-экономическим, политическим и иным вопросам» как особое социальное действие и определить роли его участников [22; 24. С. 96; 29. Р. 1123]. Во-вторых, следует провести анализ текстов выступлений представителей фракций в виде записей стенограмм заседаний Государственной

Думы по модели Н. Фэрклафа, включающую три стадии: описание текста, интерпретацию отношений текста и действия, объяснение связи между действием и социальным контекстом [5; 30. Р. 24-29, 109, 120]. Описание текста – указание на его синтаксические, лексические, семантические, стилистические особенности [20. С. 123; 30. Р. 110-111]: Интерпретация – погружение текста в контекст взаимодействия с помощью следующих категорий, выявляющих:

1) способы выражения смысла посредством само-описания, импликации, национального самовосхваления, поляризации, выражения солидарности;

2) тактики аргументации: иллюстрации, обобщения, игру цифрами, указание на причину или на следствие, сравнение;

3) стратегии аргументации: достижение консенсуса, легитимация через авторитет, дискредитация оппонентов, побуждение к действию, выдача обещаний, выстраивание границ «свой-чужой» [14. С. 105-107; 27. С. 48; 30. Р. 142-146; 33. Р. 331-332; 36. Р. 735-739].

Объяснение – поиск связи между отдельными социальными характеристиками, в данном случае: идентичностью спикеров и высказываемыми ими идеологическими убеждениями – устойчивыми верованиями или позициями по вопросам устройства и развития общества [32. Р. 160-166]. Репрезентация идентичности в дискурсе носит непостоянный характер и постоянное реконструируется в зависимости от контекста в категориях Я-концепции (представление о самом себе), разделяемых групповых норм, отношений и социальных ролей [18. С. 59-60; 19. С. 203-206; 35. Р. 34-41]. Идеологические убеждения в тексте могут выражаться через его смысловые части, отношение к тем или иным событиям или ценностям, иллюкативную направленность речевого акта, прямое суждение о чем-либо [28. Р. 324; 36. Р. 735-739]. В-третьих, исходная гипотеза будет проверена с помощью методов качественного и частотного анализа полученных данных.

Итак, чтобы охарактеризовать выступление представителей фракций как социальное действие, следует установить его правовую основу, модель взаимодействия, статусы и роли участников. В соответствии с регламентом Государственной Думы, статьей 40, пунктом 3 в редакции постановления от 27.07.2018 № 4770-7, по решению Совета Государственной Думы, каждый вторник и четверг на заседаниях может быть отведено время на выступление представителей фракций [22]. От каждой из них может выступать не более 3 спикеров, общая продолжительность докладов которых не должна занимать более 10 минут, хотя на практике председатель вправе выделить дополнительное время, что чаще всего и происходит [5; 22]. Депутаты вне фракции также вправе выступить, однако не более одного раза в два месяца и в течение 5 минут, что затрудняет доступ для последних к формированию дискурса, к примеру, никто из них не выступал в шестую сессию VIII созыва [5; 22].

Всего с 16 января по 31 июля 2024 года было 19 заседаний, на повестке дня которых стояли выступления, одно из которых, 18 июня, не состоялось, поскольку в приоритете парламентариев было принятие социально-ориентированных

законопроектов [5]. Здесь же следует отметить, что на практике существуют два подвида этого формата: «Выступления представителей фракций...» и «Выступления руководителей фракций...», которые, кроме вытекающей из названия особенности, ничем не отличаются. Итого в выборке оказалось 18 стенограмм заседаний, включающих 98 выступлений 50 депутатов от всех парламентских фракций: 18 выступлений – от «НОВЫХ ЛЮДЕЙ», 18 – от «КПРФ», 18 – от «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ – ЗА ПРАВДУ», 20 от «ЛДПР» и 24 – от «ЕДИНОЙ РОССИИ». Касательно самих докладчиков, то здесь наблюдается явная диспропорция в их участии: 34 из 50 парламентариев выступили единожды, в то время как на остальных 16 депутатов приходится почти 65% от общего числа выступлений, учитывая то, что один Г.А. Зюганов выступал 9 раз, а Л.Э. Слуцкий – 13 раз.

На основании качественного анализа стенограмм заседаний можно составить следующую модель взаимодействия [5; 24]:

Предварительный этап: происходит голосование по приему порядка работы в целом, где утверждается данный пункт программы.

Начало: председатель, как модератор коммуникативного события, артикулирует переход к выступлениям, называя и приглашая членов фракции – главных участников события – к трибуне, в то время как остальные парламентарии играют роль слушателей, а представители СМИ обеспечивают информационное сопровождение всего процесса для всех граждан [5; 29. Р. 16].

Основная часть: Депутаты выступают в следующем порядке – сначала представители «КПРФ», потом «ЛДПР», далее идут «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ЗА ПРАВДУ», «НОВЫЕ ЛЮДИ» и «ЕДИНАЯ РОССИЯ». Выступления принято не перебивать, однако это периодически происходит [5]. Между выступлениями парламентарии могут публично высказывать свои суждения по поводу услышанного, что регулирует председатель, порой активно участвующий в дискуссии, например, после докладов членов КПРФ от 18 января и 28 мая; последующие докладчики также могут активно дискутировать со своими коллегами – как было 31 января [5].

Завершение: после всех выступлений председательствующий переходит к следующему пункту повестки дня.

Таким образом, взаимодействие депутатов друг с другом во время выступлений представителей фракций можно охарактеризовать как публичную презентацию ценностей, убеждений, мнений по конкретным вопросам для широкой аудитории, чему способствуют присутствующие СМИ, нежели как подготовку к последующим дебатам по принятию законопроектов [21; 29].

Переходя к описанию языковых особенностей самих выступлений, следует начать с синтаксических средств выразительности: наиболее популярными являются повторы, применяемые с целью закрепления в памяти аудитории отдельных идеологем, встречающиеся в 79,6% текстов. Также встречаются антитезы – в 64%, риторические вопросы – в 36% и градации – в 33%. Касательно лексических средств можно сказать следующие: чаще всего встречаются эпитеты, к примеру: «животрепещущие, актуальные для страны вопросы», в 57% от выступлений [5].

Далее по убыванию идут метафоры, поговорки, крылатые выражения: «пепел «Крокус Сити Холла» стучит в наши сердца», в 35%; позитивная эмотивная лексика: «формирования ... эффективного, теснейшего взаимодействия между странами», в 32%; просторечная лексика: «некая межведомственная чехарда», в 24%, негативная эмотивная лексика: «три мерзавца, собравшись в Беловежье», в 19% [5]. Если говорить о семантических особенностях, то ото всех отличается «КПРФ», чаще других использующая военную лексику: «Нам удалось прервать блицкриг, который объявило нам НАТО», и характерные идеологемы: «или социализация, или фашизм и война» [5]. В ходе исследования были выявлены четыре стилистические формы построения выступлений: доклад, состоящий из отдельных тезисов; связанный текст по двум-трем темам; подробное рассмотрение отдельного вопроса и неподготовленная речь, присущая только В.А. Васильеву, который, выступая последним среди руководителей фракций, отвечал на критику и предложения, прозвучавшие ранее [5].

На втором этапе дискурс-анализа – интерпретации необходимо установить о чем говорили депутаты и каков был контекст взаимодействия [30. Р. 109]. Если обобщить, то депутаты отвечали на возникающие вызовы: коммунальные аварии в январе 2024 года, состояние экономики в стране, трагедию в «Крокус Сити Холле», и/или сами актуализировали широкий спектр проблемных вопросов, начиная от системы образования, налоговой политики и заканчивая ролью В.И. Ленина в истории России [5]. Без внимания не остались и избирательная кампания на президентских выборах: в 9 выступлениях была реклама кандидатов. Так все упоминания о достоинствах кандидатов по объему не превышали пяти – шести сложных, распространенных приложений, за исключением выступления С.В. Авксентьевой от 12 марта, где этому было посвящено больше времени. Это вызвало негодование со стороны других партий и председателя, что можно интерпретировать как проявление неформальных санкций за злоупотребление «использованием думской трибуны» [5].

Во всех 98 выступлениях можно выделить три основные цели, которые преследуют депутаты: публично похвалить, как свою партию, так и кого-либо еще; предложить решение конкретной проблемы, тем самым рекламируя свою программу; побранить своих политических оппонентов или отдельные социальные группы для их дискредитации в глазах общества. Наиболее популярным способом выражения смысла является само-описание, применяемое с целью саморекламы свыше чем в 70% выступлений от каждой из фракций. За ним по частотности употребления следуют импликации, в 44%; представление норм и ценностей, в 36%; поляризация, в 34%; национальное самовосхваление, в 28%; выражение солидарности с другими социальными группами в 18% случаев.

Ведущей тактикой аргументации является иллюстрация, 82% от всех докладов, указание на причину встречается с меньше частотой – 65%, третья по распространенности – игра цифрами, в 56%, далее идет указание на следствие, в 47%, и сравнение, в 33% случаев. Среди стратегий аргументации у всех представлено побуждение к действию: от 38% у «ЕДИНОЙ РОССИИ» до 94% текстов от «НОВЫХ

ЛЮДЕЙ», и 35-55% выступлений от каждой фракции содержали выстраивание границ «свой-чужой», преимущественно по отношению к недружественным странам или, после теракта от 22 марта, к мигрантам [5]. Помимо общераспространенных есть стратегии аргументации, характерные для отдельных фракций, например: достижение консенсуса – 60% от докладов «ЛДПР» и 38% от «ЕДИНОЙ РОССИИ»; дискредитация оппонентов, как отличительная черта полемики «КПРФ», отмеченная свыше чем в 60% случаев; легитимация через ссылку на авторитет, в небольшой степени присущая всем, но более – «ЕДИНОЙ РОССИИ»: до 58% выступлений.

Идентичность депутатов можно подразделить на персональную, обусловленную особенностями жизни и политической деятельности парламентария, и групповую, выраженную посредством использования последними местоимения «мы» в качестве подлежащего [18; 19]. К первой относятся этническая (выявленная в 2% от выступлений), региональная (в 7%) и профессиональная (в 6%) идентичности, ко второй – партийная принадлежность (в 94% текстов), выраженная посредством прямого упоминания фракции или через речевые конструкции: «мы внесли законопроект», «мы предлагаем» и т.п.

При анализе идеологических убеждений было выявлено 99 уникальных категорий, используемых различными депутатами, приведенных к обобщенному виду во избежание дублирования. Исходя из поставленной гипотезы, у фракции должен быть набор своих, повторяющихся из одного выступления в другое, характерных убеждений: чтобы вычленив их среди всех остальных было принято решение отобрать по 10 наиболее популярных для каждой фракции. Подобный ход позволил отсеять единичные случаи, и, предположительно, персональные убеждения отдельных парламентариев.

В конечном счете, получился список из 25 идеологических убеждений, 17 из которых являются общими для нескольких партий. Если говорить об уникальных, то 3 из них присуще «КПРФ»: «в обществе необходим идеологический перелом» (в сторону социализма) – 39% от выступлений, «нужно увеличить расходы на образование» и «нужно мобилизовать общество для Победы» по 33% каждое, и 5 – конкретные меры в области социальной и экономической политики, предлагаемые «НОВЫМИ ЛЮДЬМИ» – встречаются всего по 2 раза [5]. Остальные 17 категорий различаются лишь по степени частотности употребления у каждой из партий, так убеждения «Необходима победа в СВО» и «НАТО – враги» входят в тройку наиболее распространенных среди фракций, за исключением «НОВЫХ ЛЮДЕЙ», которые напрямую об этом ни разу не сказали [5]. Еще пример, если «КПРФ» говорила о необходимости «сдерживать рост цен и инфляцию» 7 раз, то «ЛДПР» и «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ЗА ПРАВДУ» по 4 раза, а «НОВЫЕ ЛЮДИ» и «ЕДИНАЯ РОССИЯ» – ни разу, и так далее для других идеологических убеждений [5]. Однако частотность артикуляции идеологических убеждений не всегда говорит об их значимости: на основании приведенных выше данных нельзя сказать, что правящая партия не стремится снижать рост инфляции, так как это противоречит другим действиям, предпринимаемым ее членами в правительстве.

С одной стороны, в ходе исследования не удалось установить верифицируемую связь между партийной идентичностью депутатов и высказываемыми ими убеждениями, но с другой – с помощью выработанной методики анализа можно выявить отличительные подходы к производству парламентского дискурса для каждой из партий.

Для «КПРФ» характерно продвижение своей политической программы за счет противопоставления себя как остальным партиям, так и западным странам. Этот подход реализуется посредством положительного само-описания (в 94% выступлений), и легитимации на фоне достижений Советского Союза, особенно победы в Великой Отечественной войне (в 39%), и дискредитации оппонентов или врагов (61%) через применение негативной эмотивной лексики (72%), гиперболы (55%), поляризацию (67%), импликации (61%) выстраивание границ «свой-чужой» (56%) [5].

«ЛДПР», где ведущую роль в формировании дискурса играет Л.Э. Слуцкий (65% от всех выступлений), напротив, стремится сгладить противоречия между фракциями, призывая их к консолидации: «встанем плечом к плечу», найдем «реперные точки», для решения жизненно важных проблем в обществе [5]. Данная идея транслируется в дискурсе с помощью применения позитивной эмотивной лексики (60%), особенно при само-описании (75%), эпитетов (65%), выражения солидарности (35%), убеждения в необходимости достижения консенсуса (60%), а также своей групповой идентификации не только с партией, но и с парламентом в целом (55%) [5].

У двух вышеназванных партий есть и общие черты: обе предлагают свои идеи, только одна параллельно бранит оппонентов, а другая – хвалит всех, кроме коллективного запада; схожи и стили выступлений, состоящих из отдельных тезисов (свыше 50-60% текстов), в которых за раз охватывается широкий спектр вопросов, но уменьшается глубина анализа.

В свою очередь депутаты от «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ – ЗА ПРАВДУ» артикулируют социальные проблемы, касающиеся большинства граждан, и предлагают способы их решения: сдерживание инфляции, повышение зарплат, помощь многодетным семьям, изменение системы налогов, таможенных пошлин и много другого [5]. Усиление аргументов происходит за счет использования антитез и риторических вопросов (в 60% от выступлений), метафор (55%), сравнения (67%), эпитетов (72%), иллюстраций (67%) и указания на причину тех или иных процессов (72%) [5].

Представители «НОВЫХ ЛЮДЕЙ» избегают общих фраз касательно пути развития страны и сосредоточены на предложении узконаправленных решений конкретных социально-экономических проблем (94% от выступлений), в чем наблюдается ключевое отличие их подхода от других фракций. Представление своих идей сопровождается импликацией (68%), эпитетами и просторечной лексикой (39%), подробным указанием на причинно-следственные связи (свыше 80%), что направлено на формирование имиджа партии в глазах населения [5].

Для «ЕДИНОЙ РОССИИ» характерен подход на поддержания своего статуса как правящей партии, обладающей более 70% мест в нижней палате парламента. Это осуществляется посредством выражения своей позицией по отдельно взятым вопросам общественной жизни (в 67% выступлений) с использованием иллюстраций (83%), выражения солидарности (25%), игры цифрами (54%). А также через конструирование собственного положительного образа посредством эпитетов (58%), позитивной лексики (37%), национального самовосхваления (46%) и легитимации действий через авторитет президента (58%) [5].

Таким образом, в ходе исследования были выявлены специфические черты «выступления представителей фракций по актуальным социально-экономическим, политическим и иным вопросам» как формы реализации власти посредством воздействия на производство парламентского дискурса. Хотя выдвинутую гипотезу подтвердить не удалось, были выявлены пять подходов к формированию дискурса: противопоставление себя оппонентам, достижение консолидации, артикуляция социальных проблем, предложение узконаправленных решений конкретных вопросов и поддержание статуса, применяемые для создания положительного образа фракции в сознании граждан. Кроме того, были установлены и описаны ограничения на доступ к производству дискурса, вводимые со стороны членов Государственной Думы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алексеев Д.В.** Политические технологии в законодательном процессе: концептуализация и типологизация // PolitBook. 2024. № 4. DOI 10.24412/2227-1538-2024-4-182-194.
2. **Амиантов А.А., Рабаданов И.Р.** Политико-правовые аспекты парламентской деятельности по утверждению Правительства Российской Федерации в современных условиях // Вопросы политологии. 2024. № 6.
3. **Аствацатурова М.А.** Некоторые заданные смыслы российской публичной политики в доктринальном консервативно-традиционалистском контексте // Вопросы политологии. 2025. № 9.
4. **Афонин М.В., Кабирова А.Ш., Поданев Д.А.** Политические партии как субъект общественно-политических отношений (технологии и модели политической коммуникации) // Вопросы политологии. 2024. № 12.
5. База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы» // http://transcript.duma.gov.ru/?sessid=6285&doctype=3&dt_start=&dt_end=&phrase1.
6. **Баранов Н.А.** Идеологические установки ведущих российских политических партий в преддверии выборов 2021 года // Социально-политические исследования. 2021. № 1 (10).
7. **Бессонов М.П.** Программная обработка естественного языка как инструмент политической технологии: методы и особенности (на примере анализа новостного материала в СМИ партии «Единая Россия») // Вопросы политологии. 2025. № 9.

8. Бокова Э.И. Образовательные инициативы в программах и деятельности ведущих парламентских партий России (2014-2024 гг.) // Вопросы политологии. 2025. № 1.
9. Бурда М.А., Гришин О.Е., Попов С.И., Иванова М.М. Технология «Умное голосование» как форма легитимного протеста в контексте политической стабильности (на примере выборов в московскую городскую Думу) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 5 (69). DOI 10.35775/PSI.2021.69.5.006.
10. Гудин А.Е. Политические партии как субъекты электоральных процессов: основные подходы к изучению // Вопросы политологии. 2024. № 10.
11. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
12. Игнатьева О.А. Дискурс-анализ политических суждений в контексте цифровизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 3.
13. Карамова А.А. Средства репрезентации концепта «власть» в текстах политического дискурса (на материале предвыборных программ парламентских выборов 2021 г.) // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95).
14. Корнева В.В. Стратегии аргументации в испанском парламентском дискурсе // Язык, коммуникация и социальная среда. 2020. № 18.
15. Курбанов Н.И., Ушаков В.В., Цапков А.А. Формирование идеологии России после 2022 года: проблемы и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 3.
16. Мамаев Э. Сравнительная характеристика программ по социальному вопросу политических партий: КПРФ, «Новые люди» «Справедливая Россия», ЛДПР // Вопросы политологии. 2024. № 8.
17. Медведев Н.П., Слизовский Д.Е. Электорально-политическая конкуренция: аналитический обзор научных публикаций (часть первая) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 10.
18. Мельникова О.Т., Кутковая Е.С. Дискурсивный подход к исследованию идентичности // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2014. № 1.
19. Молодыхченко Е.Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3.
20. Моногарова А.Г., Ширяева Т.А., Багиян А.Ю. Речевое поведение британских политиков в обсуждении Брексита: прагматика, гендер и коммуникативное доминирование в политическом медиадискурсе // Научный диалог. 2020. № 10.
21. Помигуев И.А., Фомин И.В., Мальцев А.М. Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности // Политическая наука. 2021. № 4.
22. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/>.

23. Стаценко И.М. Партийная конкуренция в современной демократии: общие характерные тренды и некоторые частные партийные проекты // Вопросы политологии. 2024. № 8.
24. **Труханова Д.С.** Правительственный час как коммуникативное событие в русскоязычном парламентском дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20).
25. Туманян Г.В. О зарубежных практиках вовлечения граждан в процессы принятия публичных решений законодательными органами власти // Вопросы политологии. 2025. № 3.
26. **Челнокова А.П.** Критерии классификации политического дискурса // Youth World Politic. 2022. № 2.
27. **Чикилева Л.С., Сергеева А.Г.** Политический дискурс парламентских дебатов: прагмалингвистический аспект // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1.
28. **Berracheche A.** Appraisal and Party Positioning in Parliamentary Debates: A Usage-Based Critical Discourse Analysis // International Journal of English Linguistics. 2020. Vol. 10. № 6.
29. **Ilie C.** Parliamentary discourse / Tracy K., Ilie C., Sandel T. The international encyclopedia of language and social interaction. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Inc., 2015.
30. **Fairclough N.** Language and power. NY: Longman, 1989.
31. **Mullet D.R.** A General Critical Discourse Analysis Framework for Educational Research // Journal of Advanced Academics. 2018. Vol. 29 (2).
32. **Skubic J., Fiser D.** Parliamentary discourse research in political science: Literature review // ParlaCLARIN III Workshop on Creating, Analysing, and Increasing Accessibility of Parliamentary Corpora. Marseille: ELRALanguage Resource Association, 2022.
33. **Stephanie M.R., Eslami Z.R.** Political discourse, code-switching, and ideology // Russian Journal of Linguistics. 2020. № 24 (2).
34. **Van Dijk T.A.** Are Ideologies Negative? / Fairclough I., Mulderig J., Zotzmann K. Language and Power: Essays in Honour of Norman Fairclough: Amazon, Independent Publication, 2021.
35. **Van Dijk T.A.** Political Identities in Parliamentary Debates. // Ilie C. European Parliaments Under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamin Publ., 2010.
36. **Van Dijk T.A.** Politics, ideology and discourse / Wodak R. Elsevier encyclopedia of language and linguistics. Volume on Politics and Language. Oxford: Elsevier, 2006.

G.D. KHUDYAKOV

Expert, Research Institute of Social and
Political Sciences, Moscow, Russia

FEATURES OF THE PRODUCTION OF PARLIAMENTARY DISCOURSE IN THE STATE DUMA AT THE PRESENT STAGE

The main purpose of this study is to define characteristics of the reproduction of ideological beliefs by representatives of various parties in political discourse through the analysis of transcripts of meetings of the State Duma during the spring session of the VIII convocation from January 16 to July 31, 2024. Critical discourse analysis was chosen as the theoretical and methodological basis of research, especially the three-dimensional model of discourse by N. Fairclough and T.A. van Dijk's socio-cognitive approach, with categories and qualitative methods of other social sciences. This study established the features of «Speeches by representatives of factions on current socio-economic, political and other issues» as a communicative event, the rules and restrictions of which are developed by members of parliament themselves to control the production of political discourse. The analysis identified five approaches to the formation of parliamentary discourse, used by factions in the State Duma, to gain the support of citizens by influencing their political consciousness. The results of the study can be used for further study of parliamentary discourse, its rules, practices, genesis, and forms of control by state institutions.

Key words: Critical Discourse Analysis, political discourse, State Duma, parliamentary discourse, political parties.